

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Пріемъ студентовъ въ академію. Пожертванія прот. А. М. Иванцова-Платонова и Ю. Н. Базановой. Двадцатипятилѣтіе службы проф. П. И. Цвѣткова. Сорокалѣтіе службы проф. Д. Θ. Голубинскаго. Переѣзна инспектора академіи. Выходъ съ академической службы проф. Н. И. Субботина. Освященіе иконы, сооруженной въ благодарную память о царской милости. Посѣщеніе Московской академіи Преосв. Виссаріономъ и Высокопр. Саввою. Магистерскій диспутъ свящ. В. П. Васильева.

Въ послѣднее время начало каждаго учебнаго года производить нѣсколько грустное и даже тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ, кто такъ или иначе соприкасается съ высшею школою. Неизмѣнно приходится быть свидѣтелемъ одной и той-же печальной картины, какъ молодежь толпами стекается къ учебнымъ заведеніямъ, хлопочетъ въ ихъ канцеляріяхъ, томится, въ тревожномъ ожиданіи, часто напрягаетъ свои силы въ конкурсныхъ экзаменахъ и затѣмъ многими сотнями возвращается ни съ чѣмъ по домамъ, услышавъ роковой отвѣтъ, что все переполнено и мѣсть больше нѣтъ. Скорбитъ семья за своихъ дѣтей, зная, что съ недостаточнымъ образовательнымъ цензомъ, теперь становится все труднѣе и труднѣе проложить себѣ дорогу въ жизни. Волнуются слегка газеты и журналы, наполняя свои столбцы и страницы статьями по злободневному вопросу, но проходятъ недѣли, учебный годъ начинается повсюду свое обычное теченіе и все понемножку замолкаетъ до слѣдующаго Августа или Сентября, а матушка-Русь все еще остается съ массою почтенныхъ дѣятелей, окончившихъ свой курсъ образованія въ приходской школѣ или уѣздномъ училищѣ. То, что каждую осень происходитъ теперь въ нашихъ выс-

нихъ школахъ, переживала въ частности и Московская академія. Сто восемнадцать молодыхъ людей, съѣхавшись отовсюду въ посадъ, добивались попасть въ число студентовъ академіи; восемьдесятъ девять изъ нихъ по окончаніи конкурсныхъ приѣмныхъ испытаній, совѣтъ призналъ достойными приѣма въ академію, но только пятьдесятъ имѣли возможность воспользоваться признаннымъ за ними правомъ. Такимъ образомъ болѣе половины подвергавшихся испытаніямъ молодыхъ людей должны были съ горькимъ разочарованіемъ возвратиться домой, отказавшись на сей разъ отъ надежды получить доступъ къ высшему образованію. Участъ пятидесяти, принятыхъ въ академію, избранниковъ была также не въ одинаковой степени счастливою. Только тридцать семь изъ нихъ приняты на казенное содержаніе или стипендіи, а остальные должны вносить за себя по 220 руб. ежегодно. Кто имѣетъ нѣкоторое попятіе о матеріальныхъ средствахъ громаднаго большинства нашего духовенства, въ особенности сельскаго, тотъ конечно пойметъ, что отцу семьи, получающему всего лишь нѣсколько сотенъ рублей годоваго дохода, невозможно на воспитаніе одного только сына урѣзывать 220 руб. изъ своего скуднаго бюджета. Очень не многіе родители въ состояніи выносить такой расходъ, а для большинства молодыхъ людей предложеніе взноса совершенно равняется отказу въ приѣмъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти молодые люди обыкновенно остаются въ академіи и соглашаются вносить за себя установленную плату. Въ этомъ случаѣ къ нимъ на помощь является благотворительность, которая и дѣлаетъ тяжкое бремя болѣе или менѣе удобоносимымъ. Скромно, но твердо и неизмѣнно изъ года въ годъ творитъ свое великое дѣло братство преп. Сергія для вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ и воспитанникамъ Московской академіи и уже не одна сотня молодыхъ людей, подвизающихся теперь на поприщѣ пастырской или педагогической дѣятельности, имѣли возможность получить высшее богословское образованіе исключительно благодаря своевременной помощи этого благодѣтельнаго учрежденія. Но конечно средства братства не безпредѣльны и въ своей благотворительной дѣятельности оно часто по необходимости вынуждается заглушать голосъ чувства математическими соображеніями. Вотъ почему въ началѣ

текущаго учебнаго года Московская академія съ особенною сердечною признательностію встрѣтила щедрый даръ протоіерея (нынѣ уже почившаго) Александра Михайловича Иванцова-Платонова и Московской потомственной почетной гражданки Юліи Ивановны Базановой, пришедшихъ на помощь братству въ его добромъ дѣлѣ. О. Протоіерей пожертвовалъ 500 рублей, а Г-жа Базанова—2,000 рублей на полное содержаніе пяти студентовъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Если, по слову Господа, ожидается награда того, кто подастъ чашу студеной воды тѣлесно жаждущему, то не гораздо-ли дѣлать дѣло тѣхъ, кто утоляетъ жажду духовную, кто облегчаетъ путь молодымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію и тѣмъ даетъ нашему обществу и церкви православной еще хотя немногихъ просвѣщенныхъ дѣятелей.

Первые мѣсяцы текущаго учебнаго года ознаменовались въ нашей академической семьѣ двумя скромными праздниками. 23-го Сентября исполнилось двадцатипятилѣтіе службы ординарнаго профессора по кафедрѣ латинскаго языка и его словесности и члена академическаго правленія Петра Ивановича Цвѣткова. Въ этотъ день, въ 5 часовъ по полудни, въ квартиру юбиляра собрались привѣтствовать его всѣ профессора и должностныя лица академіи съ о. ректоромъ во главѣ, а также директоръ Сергіево-посадской прогимназіи Н. И. Тихомировъ и братъ юбиляра, инспекторъ Московской духовной семинаріи А. И. Цвѣтковъ. Въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ юбиляръ нѣкоторое время состоялъ преподавателемъ. Первымъ привѣтствовалъ Петра Ивановича о. ректоръ отъ лица всей академической корпораціи. Въ свой рѣчи онъ преимущественно выставилъ на видъ тѣ выдающіяся черты нравственнаго характера юбиляра, которыя приобрѣли ему и упрочили за нимъ всеобщее уваженіе и довѣріе со стороны сослуживцевъ. Строгий ревнитель своего долга, Петръ Ивановичъ не формально только относится всегда къ исполненію всѣхъ своихъ обязанностей; но во всякое дѣло влагаетъ свою душу, являя такимъ образомъ собою не часто встрѣчающійся и вполне достойный примѣръ того, какъ человекъ и въ зрѣлыя годы умѣетъ сохранить неослабѣвающую нравственную свѣжесть и идеализмъ юности. Столь-же сильно распола-

гаетъ въ пользу юбиляра, говорилъ о. ректоръ, и то неизмѣнное благородство, которое онъ проявляетъ въ своихъ отношеніяхъ съ сослуживцами и которое всегда побуждало и побуждаетъ ихъ видѣть въ немъ одного изъ самыхъ лучшихъ и надежнѣйшихъ сотоварищей.

Профессоръ греческаго языка и его словесности И. Н. Корсунскій въ своей привѣтственной рѣчи охарактеризовалъ научную и педагогическую дѣятельность юбиляра, указавъ главнымъ образомъ на высокія ученые достоинства его докторской диссертациі и съ особенною признательностію упомянувъ о томъ, чѣмъ онъ лично былъ ему обязанъ въ своихъ первоначальныхъ научныхъ трудахъ въ области филологіи. Проф. Корсунскій начиналъ свою ученую дѣятельность въ то самое время, когда Петръ Ивановичъ только что возвратился изъ своей заграничной командировки и вывезенныя имъ оттуда свѣдѣнія, сообщенныя между прочимъ и въ его печатномъ отчетѣ, имѣли для проф. Корсунскаго существенное значеніе. Такъ какъ юбиляръ съ давнихъ поръ, по постоянно повторяющимся избраніямъ общаго собранія братства преп. Сергія, состоитъ членомъ его совѣта, то проф. Корсунскій, какъ членъ совѣта и казначей братства, выразилъ Петру Ивановичу глубокую признательность за его неутомимо-ревностное участіе въ дѣлахъ братства и въ особенности за его немалые труды по предпринятому братствомъ изданію полнаго собранія сочиненій покойнаго В. Д. Кудрявцева-Платонова.

Отъ имени братства преп. Сергія привѣтствовалъ затѣмъ юбиляра и предсѣдатель совѣта братства, Д. Ѳ. Голубинскій.

На высказанныя привѣтствія и благопожеланія уважаемый юбиляръ отвѣчалъ выраженіемъ своей сердечной благодарности и скромнымъ заявленіемъ, что, по собственному его сознанію, онъ сдѣлалъ въ продолженіи истекшихъ двадцати пяти лѣтъ гораздо меньше, чѣмъ сколько долженъ былъ бы сдѣлать, нося высокое профессорское званіе. „Но ваша любовь ко мнѣ, продолжалъ онъ, покрыла недочеты въ моей учено-литературной дѣятельности. Она вмѣнила хотѣніе и стараніе сдѣлать въ самое дѣло, она закрыла глаза на недостаточность моихъ знаній и придала великую цѣну добрымъ чувствамъ, которыми я исполненъ относи-

тельно моихъ сотоварищей и моихъ слушателей. И вотъ моя двадцатипятилѣтняя дѣятельность оказалась въ вашемъ мнѣнїи благоплодною и полезною и вы выразили желаніе, чтобы она продолжалась еще многіе годы. Снова усердно благодарю Васъ, о. ректоръ и дорогіе мои сотоварищи, за привѣтъ и благопожеланія“. Въ отвѣтъ на указанія относительно трудовъ его по изданію сочиненій В. Д. Кудрявцева, уважаемый юбиляръ заявлялъ: „принять участіе въ этомъ изданіи было моимъ долгомъ относительно вѣчнопамятнаго моего наставника и руководителя; но я работалъ не одинъ и заслуга изданія принадлежитъ не мнѣ одному и даже не мнѣ главнымъ образомъ...“

Послѣ обмѣна привѣтствій радушный хозяинъ предложилъ своимъ гостямъ угощеніе и вся академическая семья провела у него вечеръ въ прїятной дружественной бесѣдѣ.

На слѣдующій день поздравляла юбиляра депутація отъ его слушателей, студентовъ всѣхъ курсовъ. Отвѣчая на привѣтственную рѣчь старѣйшаго изъ депутатовъ, Петръ Ивановичъ говорилъ: „Для учителя самая дорогая награда любовь учениковъ къ нему, память о немъ, благодарность ему за уроки. Это потому, что въ немъ является тогда отрадное сознаніе, что его труды не напрасны.—И я глубоко радъ, видя васъ теперь, слыша ваше привѣтствіе и благопожеланія отъ лица всего студенчества, не смотря на то, что я не достигъ той высоты въ области классической филологіи, на которую долженъ былъ-бы подняться, и въ знаніяхъ по многимъ отраслямъ этой науки чувствую великіе пробѣлы.—Передайте отъ меня студентамъ-сотоварищамъ вашимъ, что я искренно благодарю всѣхъ, меня вспомнившихъ и привѣтствовавшихъ“.

Октября 16-го наша академическая семья сердечно привѣтствовала другаго дѣятеля, старѣйшаго изъ своихъ настоящихъ сочленовъ, заслуженнаго ординарнаго профессора по сверхштатной каедрѣ естественно-научной апологетики и предсѣдателя братства преп. Сергія—Димитрія Ѳеодоровича Голубинскаго, по случаю исполнившагося сорокалѣтія его академической службы. Въ этотъ воскресный день празднованіе началось совершеніемъ въ академической церкви Божественной литургіи и благодарственнаго молебствія съ провозглашеніемъ заздравныхъ прошеній о рабѣ Божіемъ

Димитріи. Затѣмъ вся корпорація перешла въ комнаты о. ректора, гдѣ къ ней присоединились о. ректоръ и преподаватели Виѳанской духовной семинаріи, въ которой Д. Ѳ. получилъ свое первоначальное образованіе. Изъ тѣсной толпы учениковъ и сослуживцевъ, окружившихъ маститаго профессора, прежде всѣхъ выступилъ о. ректоръ академіи, чтобы привѣтствовать его отъ лица всей академической корпораціи. Въ своей прочувствованной рѣчи о. ректоръ изобразилъ тѣ характеристическія черты научной и практической дѣятельности Димитрія Ѳеодоровича, которыя стяжали ему всеобщее, самое глубокое уваженіе, а именно: его высокую, искреннюю религіозность, его безкорыстіе, преданность своему дѣлу и доброту, доходящую до самопожертвованія. Ученые люди, говорилъ о. ректоръ, въ особенности же работающіе въ области наукъ естественныхъ, сосредоточивая все свое вниманіе на жизни матеріи и ея законахъ, очень часто становятся настолько односторонними, что почти забываютъ о высшихъ интересахъ и потребностяхъ бессмертнаго духа и въ значительной степени утрачиваютъ чистоту религіозной вѣры. Съ этой стороны уважаемый профессоръ представляетъ собою отрядный образецъ человѣка, гармонически совмѣщающаго въ себѣ и глубокія естественно-научныя познанія и пламенную религіозную вѣру, явно выражающуюся и во внѣшнемъ благочестіи. Знатокъ и образцовый преподаватель своего предмета, Димитрій Ѳеодоровичъ освѣщаетъ и одушевляетъ его религіозною идеей, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ образцомъ и въ усердномъ посѣщеніи Божьяго храма и въ горячей молитвѣ. Его безкорыстная преданность своей наукѣ, ярко выразившаяся прежде всего въ томъ, что онъ пожертвовалъ своими личными, и служебными и матеріальными выгодами, лишь бы только отстоять ея, хотя бы и сверхштатное, существованіе въ академіи, неизмѣнно продолжаетъ выражаться и доселѣ, когда на поддержку физическаго кабинета и на производство опытовъ Димитрій Ѳеодоровичъ не мало удѣляетъ изъ своего же личнаго, скромнаго оклада. Заключая свое привѣтствіе, о. ректоръ обратился къ уважаемому юбиляру словами поэта:

Будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой;

Свѣти въ нашъ сумракъ роковой,
 Духъ цѣломудренно-свободный,
 Умѣвшій все совокупить
 Въ ненарушимомъ цѣльномъ строѣ,
 Все человѣчески-благое,
 И русскимъ чувствомъ подкрѣпить!..

Затѣмъ о. ректоръ благословилъ Дмитрія Θεодоровича иконою Покрова Пресвятыя Богородицы и вручилъ ему эту святую икону отъ лица всей академической корпораціи. Художественно написанная на большой кипарисной доскѣ и украшенная золотою рамкой, эта икона на обратной сторонѣ своей имѣетъ серебряную дощечку съ надписью: „Профессору Дмитрію Θεодоровичу Голубинскому отъ Московской Духовной Академіи. 1854—1894“.

Отъ имени Виѣанской духовной семинаріи привѣтствовалъ юбиляра ректоръ ея, о. архимандритъ Антоній, при чемъ вручилъ ему просфору.

Затѣмъ обратился къ Дмитрію Θεодоровичу съ привѣтствіемъ сотрудникъ его по дѣламъ братства прен. Сергія, проф. И. Н. Корсунскій. Какъ одинъ изъ учениковъ его, онъ прежде всего выразилъ своему почтенному наставнику глубокую признательность за нѣкогда преподаанные имъ уроки, за то, что, среди всеобщаго, особенно въ ту пору обычнаго, увлеченія матеріалистическими идеями, Дмитрій Θεодоровичъ всегда неуклонно проповѣдывалъ въ своихъ лекціяхъ по естественно-научной апологетикѣ плодотворную мысль о премудрости и благости Божіей въ устройствѣ міра и его явленіяхъ.—Отъ имени братства проф. Корсунскій указалъ на многолѣтнія заслуги юбиляра, принимавшаго съ самаго основанія братства горячее участіе въ его дѣлахъ при послѣдовательномъ прохожденіи должностей: казначея, члена совѣта, товарища предсѣдателя и наконецъ предсѣдателя. Много потрудился Дмитрій Θεодоровичъ въ дѣлѣ первоначальнаго установленія дѣлопроизводства и отчетности братства, много заботъ и трудовъ понесъ при изданіи сочиненій В. Д. Кудрявцева-Платонова; непрерывно работалъ и работаетъ въ главномъ дѣлѣ вспомошествованія и изысканія средствъ для него, всегда согрѣвая свою дѣятельность самымъ сердечнымъ участіемъ къ нуждамъ студентовъ. Вслѣдъ за проф. Корсунскимъ привѣтствовали

Димитрія Θεодоровича и поднесли ему просфору студенты — его слушатели чрезъ избранную для того депутацию.

При послѣдовавшей затѣмъ дружеской трапезѣ, за многочисленными тостами еще много лилось рѣчей и высказывалось искреннихъ чувствъ расположенія, признательности и уваженія почтенному юбиляру.

Первая застольная привѣтственная рѣчь произнесена была проф. М. Д. Муретовымъ. Онъ началъ съ воспоминанія о тѣхъ печальной памяти годахъ, когда въ нашемъ отечествѣ широко распространено было увлеченіе матеріалистическими идеями, когда даже въ духовныхъ семинаріяхъ находились молодые преподаватели, считавшіе возможнымъ проповѣдывать подобныя идеи 16—18 лѣтнимъ мальчикамъ. Много юныхъ душъ загублено было тогда этою преступною проповѣдью, свидѣтелемъ которой пришлось быть и самому оратору во время его обученія въ семинаріи; но „благодареніе Промыслу“, говорилъ онъ, „я избѣжалъ этого круговорота и благополучно, со многими другими счастливыми, приведенъ былъ въ тихую пристань М. Д. академіи,—въ мирный храмъ сей наукъ духовныхъ. Случилось такъ, что первая изъ выслушанныхъ мною здѣсь лекцій была—по естественно-научной апологетикѣ. Раскрывалась та мысль, которая выражена словами Писанія: *небеса похвадаютъ славу Божию, твореніе же руку его возвышаетъ твердь* (Псал. 18, 2). Рѣчь шла о дивныхъ проявленіяхъ Промысла—*божественной премудрости и благодати*—въ облегающей нашъ духъ матеріальной природѣ. Слушая эти рѣчи, мнѣ становилась какъ-то особенно ясною, и близкою мысль, что для зрѣнія небесъ и Бога нужны не усовершенствованные инструменты физическіе; но внутреннее око сердечное и сила духовная потребны для того, чтобы невидимое Божество стало созерцаемымъ чрезъ разсматриваніе твореній“..... „Слова, которыя способны были вызвать подобныя мысли, говорилъ не юноша-преподаватель; но ихъ изрекалъ почтенный профессоръ... спокойно, отчетливо, властно, какъ будто-бы его вѣщанія служили эхомъ самой истины—простой и власть имѣющей (Мѡ. 7, 19). Изрекалъ это, однимъ словомъ, Димитрій Θεодоровичъ“.— „Но въ царствѣ, гдѣ живемъ мы духовно, продолжалъ ора-

торъ, великъ не тотъ, кто только научить, но кто *составитъ* и научить“ (Мѡ. 5, 19). Раскрывая далѣе ту мысль, что почтенный юбиляръ представляетъ собою „достоподражаемый образецъ вѣрнаго сына Церкви Православной и ревностнаго раба Христова“, проф. Муретовъ указалъ въ частности на истинно-христіанское служеніе Димитрія Ѳедоровича въ качествѣ одного изъ главныхъ дѣятелей Братства преп. Сергія, на его ревность въ посѣщеніи Богослуженія и на его печатные научно-апологетическіе труды. Не считая возможнымъ подробно изображать всѣ подвиги личной нравственной жизни почтеннаго юбиляра, хорошо извѣстные знающимъ его, ораторъ заключилъ свое привѣтствіе заявленіемъ, что и съ точки зрѣнія общечеловѣческаго нравственнаго сознанія всякій признаетъ Димитрія Ѳедоровича *истинно-хорошимъ человѣкомъ*, а потому отъ лица всѣхъ его благодарныхъ и признательныхъ питомцевъ провозгласилъ ему „многая лѣта“.

Вслѣдъ за проф. Муретовымъ привѣтствовали еще Димитрія Ѳедоровича рѣчами: проф. А. П. Смирновъ, проф. В. А. Соколовъ, — воспитанникъ того академическаго курса, при которомъ только что открыта была въ Московской академіи кафедра естественно-научной апологетики; проф. А. Д. Бѣляевъ, доц. Н. А. Заозерскій и преподаватель Виѣанской духовной семинаріи И. П. Николинъ. Подтверждая и дополняя въ своихъ рѣчахъ то, что было уже высказано къ характеристикѣ уважаемаго юбиляра, они указывали еще на его глубокую привязанность къ родной академіи, побудившую его отклонить неоднократныя и настойчивыя увѣщанія къ принятію монашества, сопряженному, конечно, и съ перемѣною рода службы; указывали на его особенную любовь къ наукамъ богословскимъ и глубокія въ нихъ познанія; на его образцовую ревность въ исполненіи всякаго рода возлагаемыхъ на него обязанностей и т. д...

Отвѣчая на каждое изъ обращенныхъ къ нему привѣтствій, Димитрій Ѳедоровичъ сердечно благодарилъ своихъ учениковъ и сослуживцевъ за ихъ расположеніе; скромно увѣрялъ ихъ, что они преувеличиваютъ его заслуги и возвышаютъ его личныя качества. Не всѣ, говорилъ онъ между прочимъ, проходятъ свой жизненный путь при одинаковыхъ условіяхъ. Одному съ раннихъ лѣтъ приходится бороться

съ нуждою, преодолевать всякаго рода затрудненія и препятствія и, при всемъ томъ, онъ своимъ умомъ и энергіей добивается многого и достигаетъ высокой степени совершенства. Другому все благопріятствуетъ, даются всѣ средства къ преуспѣянію, и однако онъ не выходитъ изъ уровня посредственности. Я причисляю себя, продолжалъ Д. Θ., къ людямъ втораго рода и часто теперь мнѣ приходится сожалѣть о томъ, что я не воспользовался, или не въ достаточной степени воспользовался всѣмъ тѣмъ, что при воспитаніи давалось мнѣ для моего преуспѣянія. Признавая, что весьма многимъ онъ обязанъ тѣмъ, которые съ самыхъ раннихъ лѣтъ заботились объ его умственномъ и нравственномъ воспитаніи, Д. Θ. съ особенною признательностію помянулъ своего незабвеннаго родителя, протоіерея Ѳеодора Александровича, и своихъ домашнихъ наставниковъ, въ то время студентовъ, а впослѣдствіи протоіересвъ: Ипполита Михайловича Богословскаго-Платонова и Сергія Константиновича Смирнова. Ѳеодоръ Александровичъ особенное виманіе обращалъ на религіозное воспитаніе своего сына. Еще до поступленія въ семинарію, въ ихъ семьѣ было уже напр. постояннымъ обычаемъ двукратное говѣніе въ продолженіе великаго поста. Съ малыхъ лѣтъ дѣтей приучали заучивать наизусть текстъ Св. Евангелія и каждое утро, приходя здороваться съ отцомъ, дѣти прочитывали ему заученные по порядку стихи евангельскаго текста. Для учебныхъ занятій съ своими дѣтьми Ѳеодоръ Александровичъ приглашалъ самыхъ лучшихъ студентовъ академіи, каковыми и были тогда И. М. Богословскій и С. К. Смирновъ. Юные наставники, сами находясь конечно подъ руководственнымъ вліяніемъ Ѳеодора Александровича, всѣми силами старались вести порученное имъ дѣло воспитанія въ установленномъ направленіи. Даже въ свободное отъ занятій и отъ родительскаго надзора время, когда напр. Д. Θ. гостилъ на праздникѣ Пасхи въ семьѣ Ипполита Михайловича въ Москвѣ, наставникъ его неуклонно руководилъ его религіознымъ воспитаніемъ, располагая своего питомца къ неопустительному посѣщенію пасхальныхъ богослуженій. Съ признательностію поминая теперь своего родителя и своихъ воспитателей, Д. Θ. глубоко, убѣжденъ,

что весьма и весьма многимъ онъ обязанъ именно ихъ объ немъ заботамъ и стараніямъ ¹⁾).

Вспоминая дѣло объ учрежденіи въ Московской академіи катедры естественно-научной апологетики, Д. Θ. съ особенною сердечною благодарностію указалъ на приснопамятныхъ Высокопр. Митрополита Московскаго Иннокентія и о. ректора академіи, прот. А. В. Горскаго, какъ на людей, нравственной и матеріальной поддержкѣ и сочувствію которыхъ эта катедра обязана своимъ существованіемъ.

Въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствіе студентовъ уважаемый юбиляръ, между прочимъ, говорилъ, что онъ съ искреннимъ удовольствіемъ видѣлъ и видитъ ихъ интересъ и вниманіе къ преподаваемой имъ наукѣ; замѣчаетъ, что даже и позднее вечернее время и не малый иногда морозъ не препятствуютъ имъ собираться къ телескопу для наблюденій надъ свѣтилами небесными подъ его руководствомъ.

Въ самомъ началѣ учебнаго года въ личномъ составѣ Московской академіи произошли нѣкоторыя существенныя

¹⁾ Въ числѣ воспоминаній о своихъ юныхъ наставникахъ Д. Θ. разсказалъ, между прочимъ, слѣдующее: однажды предъ праздникомъ Рождества Христова онъ съ грустію говорилъ Сергію Константиновичу, что обыкновенно дѣти въ это время учатъ какія-либо, соотвѣтствующія празднику, стихотворенія и затѣмъ произносятъ ихъ на утѣшеніе своимъ родителямъ; но у него нѣтъ такого стихотворенія и нечѣмъ ему порадовать своего родителя. Сергій Константиновичъ тотчасъ-же обѣщаль ему доставить такое стихотвореніе и вскорѣ дѣйствительно принесъ его, повидимому собственнаго сочиненія. Стихотвореніе это читается такъ:

Ангелы Божіи день искупленія
 Встрѣтили пѣснью славы святой,
 Людямъ сказали Христово рожденіе,
 Люди взыграли отъ вѣсти благой.
 Царство отверзлось намъ жизни нетлѣнной;
 Всѣ мы почали подъ сѣнью Креста;
 Слава на небѣ и миръ во вселенной:
 Ангельской пѣснью прославимъ Творца.
 Будемъ молиться Ему со слезами.
 Слезы Рожденному въ даръ принесемъ.
 Боже вселись благодатію съ нами,
 Дай намъ вселиться въ жилищѣ Твоемъ!
 Даруй родителю многія лѣта,
 Съ неба услыши молитву мою!
 Долю святую небеснаго свѣта
 Даруй намъ, Боже, во славу Твою!

перемѣны. Указомъ Свят. Синода отъ 21-го Сентября, исправляющій должность инспектора академіи іеромонахъ Сергій назначенъ былъ на должность настоятеля церкви при русской миссіи въ Аѳинахъ, съ возведеніемъ его при этомъ въ санъ архимандрита. Прибывшій къ намъ лишь въ Январѣ 1894-го года, о. Сергій такимъ образомъ и одного года не успѣлъ прослужить въ Московской академіи, какъ получилъ уже новое назначеніе. Это назначеніе не было неожиданнымъ ни для него самого, ни для академіи. Слабое здоровье, въ особенности потрясенное тяжкою болѣзнію, которую перенесъ о. Сергій въ Петербургѣ предъ самымъ своимъ назначеніемъ въ Московскую академію, дѣлало для него невозможнымъ пребываніе въ посадѣ. Множество всякаго рода хлопотъ и заботъ по должности инспектора, срочный и напряженный трудъ по приготовленію лекцій и наконецъ непрестанная забота о магистерской диссертациі, — все это, столпившись одновременно, требовало такой затраты силъ, на которую можно было отважиться лишь при очень крѣпкомъ здоровьи. По совѣту врачей и друзей, о. Сергій самъ согласился, чтобы о немъ ходатайствовали предъ высшими властями о назначеніи его куда-либо на югъ, въ болѣе благопріятныя климатическія условія, и на такую должность, которая предоставляла бы болѣе свободы и отдыха для его силъ, потрясенныхъ болѣзнію и требующихъ подкрѣпленія. Отвѣтомъ на такое ходатайство и было назначеніе о. Сергія въ Аѳины. — За нѣсколько дней до его отъѣзда изъ посады, студенты академіи пожелали проститься съ нимъ и выразить ему свою признательность. Послѣ обычной вечерней молитвы въ академической церкви, одинъ изъ студентовъ обратился къ о. Сергію съ рѣчью, въ которой, отъ лица всѣхъ товарищей, благодарилъ его за добрыя, сердечныя къ нимъ отношенія, которыя онъ уподобилъ отношеніямъ Ап. Павла къ ученикамъ по I Тим. 2, 3—9 послѣ чего ему поднесенъ былъ массивный съ украшеніями золотой наперсный крестъ, съ надписью на его обратной сторонѣ: *„вы всегда имѣете добрую память о насъ, желая насъ видѣть, какъ и мы васъ“*. (I Сол. III, 6). Предъ послѣднимъ служеніемъ о. Сергія въ академической церкви произошло съ нимъ все академическое духовенство, при чемъ ему поднесены были: отъ духовенства монашествующаго

икона преп. Сергія въ серебряномъ окладѣ, а отъ блага духовенства служебникъ въ малиновомъ бархатномъ переплетѣ съ серебряными украшеніями и иконою преподобнаго Сергія на лицевой сторонѣ. На задней сторонѣ переплета утверждена пластинка съ надписью: „высокоуважаемому и любимому о. инспектору архимандриту Сергію. Отъ академическаго духовенства“.—17-го Октября о. Сергій выѣхалъ изъ посада къ мѣсту своего новаго служенія и толпа студентовъ проводила его до самаго вагона. Всего лишь девять мѣсяцевъ послужилъ о. Сергій нашей академіи, но своими добрыми качествами ума и сердца, въ особенности-же своею искренностію и задушевностію, и въ столь короткое время онъ уже успѣлъ приобрѣсти себѣ всеобщее расположеніе и сослуживцевъ и учащагося юношества. Съ увѣренностію можно сказать, что онъ оставилъ у насъ по себѣ самую добрую память и вся Московская академія разставалась съ нимъ съ искреннимъ сожалѣніемъ.

Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 28 Сентября 1894 г., преемникомъ о. Сергія, исправляющимъ должность инспектора Московской духовной академіи, назначенъ былъ инспекторъ С.-Петербургской духовной семинаріи іеромонахъ Кирилль.—О. Кирилль, въ мірѣ Константинъ, Лопатинъ, сынъ священника Вятской епархіи родился въ 1868-мъ году и получилъ образованіе въ Вятской духовной семинаріи и въ Казанской духовной академіи. Окончивъ курсъ со степенью кандидата Богословія и съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, Константинъ Лопатинъ, при самомъ окончаніи своего академическаго курса, въ Маѣ 1893 г., принялъ постриженіе съ именемъ Кирилла. Въ Октябрѣ того-же года іеромонахъ Кирилль получилъ назначеніе на должность инспектора С.-Петербургской духовной семинаріи, гдѣ и оставался до своего назначенія въ Московскую академію. Не за долго до приѣзда въ посады, о. Кирилль публично защищалъ въ Казанской академіи свою диссертацию: „Ученіе святаго Аѳанасія Великаго о Святой Троицѣ (сравнительно съ ученіемъ о томъ-же предметѣ въ три первые вѣка)“, за которую совѣтомъ академіи удостоенъ ученой степени магистра Богословія. Въ нашей академіи онъ занялъ вакантную кафедрю нравственнаго Богословія.

Другая существенная перемена совершилась въ Московской академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола. Пользующійся большою извѣстностію, заслуженный профессоръ этого предмета Николай Ивановичъ Субботинъ, почти сорокъ лѣтъ съ честію занимавшій свою академическую кафедру, въ Сентябрѣ минувшаго года просилъ совѣтъ академіи ходатайствовать предъ Свят. Синодомъ объ увольненіи его, по разстроенному здоровью, отъ академической службы и указомъ Святѣйшаго Синода отъ 19-го Октября онъ былъ уволенъ. Профессоръ Николай Ивановичъ Субботинъ принадлежитъ къ числу лучшихъ знатоковъ раскола. Изъ подъ его пера вышло нѣсколько капитальныхъ ученыхъ изслѣдованій по этому предмету, во главѣ которыхъ должна быть поставлена его книга: „о происхожденіи Бѣлокриницкой іерархіи“,—документальное изслѣдованіе, и доселѣ во многихъ отношеніяхъ остающееся незамѣнимымъ. Великую услугу оказалъ также проф. Субботинъ наукѣ о расколѣ, много лѣтъ посвящая свои труды дѣлу изданія замѣчательныхъ памятниковъ по исторіи раскола. Этими многочисленными изданіями, въ связи съ редактированіемъ противураскольническаго журнала „Братское слово“, Николай Ивановичъ давалъ и доселѣ продолжаетъ давать драгоценный матеріалъ какъ теоретическимъ изслѣдователямъ раскола, такъ и практическимъ дѣятелямъ въ борьбѣ съ нимъ. Значительное количество самыхъ этихъ борцовъ противъ раскола, дѣйствующихъ въ настоящее время въ качествѣ преподавателей духовныхъ семинарій, приходскихъ священниковъ и епархіальныхъ миссіонеровъ, вышли изъ Московской академіи, гдѣ были слушателями Николая Ивановича и воспитывались подъ его руководствомъ и вліяніемъ. Не удивительно потому, что, въ теченіи многихъ лѣтъ, въ глазахъ всѣхъ, интересовавшихся вопросомъ о расколѣ, имя Московской духовной академіи тѣсно связывалось съ именемъ профессора Субботина и удаление его теперь со службы составляетъ для академіи въ научномъ отношеніи замѣтную потерю.

Преемникомъ Н. И. Субботина по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола совѣтъ академіи избралъ кандидата Богословія И. М. Громогласова, окончившаго академическій курсъ въ 1893-мъ году и оставленнаго на годъ

при академіи, въ качествѣ профессорскаго стипендіата для приготовленія къ академической каедрѣ. Пятнадцатаго Ноября г. Громогласовъ, согласно требованію академическаго устава, прочиталъ двѣ пробныя лекціи на темы: „о сущности и причинахъ раскола такъ называемаго старообрядства“ и „Бѣлокриницкая раскольническая іерархія съ точки зрѣнія церковныхъ каноновъ“. Обѣ эти лекціи совѣтъ призналъ удовлетворительными и, по его ходатайству, г. Громогласовъ утвержденъ Его Высокопреосвященствомъ на академической каедрѣ.

Полтора года тому назадъ, размышляя о печаляхъ и заботахъ академической службы, о пѣкоторыхъ ненормальностяхъ въ ея внутреннемъ строѣ, мы, между прочимъ, мечтали о томъ, какими-бы средствами помочь бѣдѣ и исправить то, что казалось намъ нуждающимся въ исправленіи ¹⁾. Конечно, мечтать никому не воспрещается, по обыкновенно увлекающемуся мечтами совѣтуютъ помвить, что мечты въ большинствѣ случаевъ такъ и остаются мечтами и отъ желаній до ихъ исполненія слишкомъ далеко. Однако опытъ показываетъ, что бываютъ и отрадныя исключенія и съ торжествомъ отмѣтить одно изъ нихъ выпадаетъ на нашу долю радость въ настоящее время. Мы мечтали тогда о возвышеніи оклада пенсій для академическихъ преподавателей и старались раскрыть тѣ плодотворныя послѣдствія, какими должна была, по нашему мнѣнію, сопровождаться эта благая мѣра въ общемъ строѣ академической жизни. Прошелъ годъ и по милости Божіей, державною волей почившаго Приснопамятнаго, Благочестивѣйшаго Государя, то, о чемъ можно было только мечтать, теперь стало блаженной дѣйствительностію. Отнынѣ профессоръ академіи трудится для своей науки свободно и спокойно, посвящаетъ силы свои академической службѣ въ счастливомъ сознаніи, что наградой ему предстоить безбѣдная, обезпеченная старость. Въ свое время мы говорили, съ какою радостію, съ какою горячей молитвой за Царя-Благодѣтеля, встрѣчена была въ нашей академіи отрадная вѣсть о высокой царской милости ²⁾.

1) См. Богословскій Вѣстникъ 1893 г. Сентябрь, стр. 445—452.

2) См. Богословскій Вѣстникъ 1894 г. Сентябрь стр. 1—6.

Въ настоящее время память объ этомъ знаменательномъ событіи получила внѣшнее выраженіе и въ нашемъ академическомъ храмѣ. По единодушному желанію и на средства всѣхъ членовъ академической корпораціи, въ благодарную память о высокой царской милости, вошедшей въ силу съ 16-го Августа, сооружена святая икона Нерукотвореннаго Образа Христа-Спасителя. Священное изображеніе лика Спасителя исполнено живописью на серебрѣ, при чемъ убрूसъ сдѣланъ изъ серебра, а все остальное пространство фона вызолочено и наполнено различными украшениями чеканной работы.

На второй день праздника Рождества Христова, послѣ Божественной литургіи, въ присутствіи профессоровъ и студентовъ академіи совершенно было торжественное освященіе новоооруженной иконы. При концѣ совершеннаго по этому случаю о. ректоромъ и соборомъ академическаго духовенства молебствія возглашено было многолѣтіе Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Матери Государя Императора, Наслѣднику Цесаревичу, Великому Князю Александру Михайловичу и Великой княгинѣ Ксеніи Александровнѣ и всему царствующему дому. Послѣ этихъ многолѣтій возглашена была „вѣчная память“ въ Божѣ почившему благодѣтелю нашему „Благочестивѣйшему Государю Императору Александру III-му“. Молебеніе закончилось многолѣтіями Святѣйшему Правительствующему Синоду, Владыкѣ-Митрополиту Московскому и „всѣмъ послужившимъ при дарованіи царской милости“. По окончаніи Богослуженія новоосвященная икона поставлена предъ иконостасомъ по правую сторону амвона на особоуготованномъ аналоѣ.

Отрадное осуществленіе одного изъ нашихъ мечтаній подаетъ намъ надежду, что, быть можетъ, и другую, гораздо болѣе скромную, мечту нашу Господь благословитъ скорымъ исполненіемъ. Давно уже во внутреннемъ строѣ жизни академій чувствовались неблагопріятныя послѣдствія существующаго въ настоящее время распредѣленія ординатуръ по группамъ преподаваемыхъ предметовъ. вмѣстѣ съ вопросомъ о пенсіяхъ мы въ свое время указывали и на уничтоженіе группъ, какъ на такую мѣру, которая была-бы весьма желательною въ видахъ водворенія наиболѣе нор-

мальнаго порядка въ ходѣ академической службы ¹⁾). Будемъ надѣяться на благополучное исполненіе и этого общаго желанія всѣхъ академій.

Въ минувшее полугодіе въ числѣ почетныхъ гостей Московская академія съ искреннею радостію встрѣчала у себя обоихъ своихъ новыхъ почетныхъ докторовъ: Преосвященнаго Виссаріона, Епископа Костромскаго, и Высокопреосвященнаго Савву, Архіепископа Тверскаго.

Преосвященный Виссаріонъ посѣтилъ академію 30-го числа Іюня на пути своемъ въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Вечеромъ этого дня, по случаю приѣзда Его Преосвященства, собрались для свиданія съ нимъ въ академіи всѣ, находившіеся тогда въ наличности члены академической корпораціи. Такъ какъ не за долго до этого только что получено было извѣстіе о состоявшемся 21-го Іюня въ Свят. Синодѣ утвержденіи Преосв. Виссаріона въ присужденной ему совѣтомъ степени доктора Богословія, то о. ректоръ обратился къ Его Преосвященству съ поздравленіемъ. Въ краткой своей привѣтственной рѣчи, не касаясь на этотъ разъ ученыхъ заслугъ Архипастыря, уже достаточно выясненныхъ академіей въ ея отзывѣ и постановленіи, о. ректоръ указалъ въ особенности на то, что въ лицѣ Его Преосвященства академія чтитъ не ученаго только, но такого ученаго, который умѣетъ соотноситься съ вопросами современной церковной жизни, который совмѣщаетъ ученость съ благочестіемъ и аскетизмомъ, который проникнуть искреннимъ расположеніемъ и къ богословской наукѣ вообще и къ Московской академіи въ частности. Заключая свое привѣтствіе, о. ректоръ поднесъ Преосв. Виссаріону хранящійся въ академіи докторскій крестъ покойнаго прот. А. В. Горскаго и просилъ его возложить на себя этотъ крестъ хотя на время. Его Преосвященство въ сердечныхъ выраженіяхъ благодарилъ академическую корпорацію за оказанную ему высокую честь. Онъ говорилъ, что весьма высоко цѣнить ученую докторскую степень и боится, какъ-бы, недостойно нося ее, не уронить ея великаго достоинства. Онъ утѣшается лишь мыслію, что въ христіанствѣ не можетъ быть въ собственномъ смыслѣ доктора,

¹⁾ См. Богословскій Вѣстникъ 1893 г. Сентябрь, стр. 450—452.

единъ бо есть нашъ учитель, Христосъ (Мѣ. XXIII, 8), а всѣ мы только посильные истолкователи и провозвѣстники Его Божественнаго ученія. Благоговѣнно возложивъ на себя поднесенный ему докторскій крестъ своего высокочтимаго наставника, Преосвящ. Виссаріонъ оставался въ этомъ крестѣ во все время своего пребыванія въ академіи и затѣмъ, при прощаніи, снова возвратилъ его, какъ одинъ изъ такихъ предметовъ, которые съ признательностію хранить Московская академія на память о своемъ незабвенномъ руководителѣ.

Другой нашъ почетный докторъ, Высокопреосвященный Савва, посѣтилъ Московскую академію при началѣ учебнаго года, когда академическая корпорація послѣ лѣтнихъ вакацій была уже въ полномъ сборѣ. Вечеромъ 3-го Сентября Его Высокопреосвященство прибылъ въ Академію, отстоялъ воскресную всенощную и послѣ отпуска благословлялъ всѣхъ студентовъ по одиночкѣ. 4-го числа Владыка служилъ литургію въ Троицкомъ соборѣ, а вечеромъ прибылъ въ квартиру о. ректора, гдѣ ожидали его всѣ профессора и должностныя лица академіи и гдѣ приготовлена была братская трапеза. Вступивъ въ гостиную и поздоровавшись со всѣми присутствующими, Владыка обратился къ академической корпораціи съ заявленіемъ, что онъ нарочито прибылъ сюда, чтобъ лично выразить ей свою искреннюю благодарность за оказанную ему высокую ученую честь. За послѣдовавшей затѣмъ братской трапезой, среди тостовъ и многолѣтій, обращались ко Владыкѣ съ сердечными привѣтственными рѣчами: о. ректоръ академіи и профессора: В. А. Соколовъ, П. Н. Корсунскій и Н. А. Заозерскій. Съ искреннею признательностію вспоминали они все то, что во многіе годы своей научной, ректорской и архипастырской дѣятельности, своими учеными трудами и изданіями и своимъ недавнимъ щедрымъ пожертвованіемъ, сдѣлалъ Владыка для всѣхъ ученыхъ людей и въ особенности для своей родной академіи. Выражая ему за все это глубокую благодарность отъ лица Богословской науки и Московской академіи, ораторы заключали свои привѣтствія искреннимъ пожеланіемъ, чтобы Высокопреосвященнѣйшій Владыка подвизался своимъ добрымъ подвигомъ еще многіе, многіе годы. Отвѣчая благодарностію на обращенныя

къ нему привѣтствія, Владыка оживленно и задушевно дѣлился съ присутствующими своими воспоминаніями, преподавалъ имъ добрые совѣты и неоднократно свидѣтельствовавъ о своихъ неизмѣнныхъ чувствахъ сердечнаго расположенія къ родной академіи. По окончаніи трапезы, профессора тѣсной толпой окружили маститаго Архипастыря и онъ еще долго бесѣдовалъ съ ними, привлекая къ себѣ сердца всѣхъ своими мудрыми рѣчами и отеческою лаской. Возвратившись въ свою епархію, Высокопреосвящ. Савва пожелалъ ознаменовать свое личное знакомство съ членами академической корпораціи щедрымъ подаркомъ. Каждый изъ насъ получилъ отъ Его Высокопреосвященства всѣ, еще имѣющіяся у него въ наличности, ученыя его изслѣдованія и изданія.

Кромѣ нашихъ почетныхъ докторовъ, Московскую академію посѣтили въ минувшее полугодіе: Высокопр. Флавіанъ, Архіеп. Холмскій и Варшавскій, и Преосв. Епископы: Антоній Вологодскій, Іустинъ Рязанскій, Тихонъ Можайскій и Михаилъ Прилукскій.

Послѣдній мѣсяцъ минувшаго полугодія ознаменовался у насъ ученымъ собраніемъ по случаю магистерскаго коллоквиума священника В. П. Васильева. Краткимъ отчетомъ объ этомъ собраніи, состоявшемся 4 Декабря, мы и заключимъ на сей разъ свою академическую лѣтопись.

Магистрантъ, сынъ сельскаго дьячка Пензенской епархіи, получалъ свое образованіе въ Краснослободскомъ духовномъ училищѣ и затѣмъ въ Пензенской духовной семинаріи. Въ 1882 году, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ своей семинаріи, онъ посланъ былъ на казенный счетъ въ Московскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1886 году съ ученою степенью кандидата Богословія и съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія. Въ Декабрѣ 1887 г. г. Васильевъ поступилъ на должность преподавателя основнаго, догматическаго и нравственнаго Богословія въ Пензенскую духовную семинарію, при чемъ съ 1889 года, одновременно съ преподавательскою службою, состоялъ членомъ совѣта и бібліотекаремъ Пензенскаго Иннокентіевскаго просвѣтительнаго Братства, членомъ Пензенскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта и членомъ Пензенскаго статистическаго Комитета. Съ осени 1894 года г. Васильевъ, принявшій свя-

щенный санъ, состоитъ преподавателемъ Закона Божія во второй Пензенской мужской гимназіи. Нѣсколько ученыхъ трудовъ о. Васильева напечатаны разновременно въ Пензенскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и въ Христіанскомъ чтеніи, а именно: 1) Откуда ведутъ начало наши поминанья? 2) О почитаніи святыхъ въ древней Руси. 3) Очерки изъ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ. 4) Владимиръ Святой и равноапостольный. 5) Какое значеніе для раскола имѣетъ стоглавый соборъ? 6) Церковныя Братства и ихъ дѣятельность, 7) Соборы 1547 и 1549 годовъ. 8) Исторія канонизаціи Русскихъ Святыхъ. Последнее изслѣдованіе, напечатанное въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ (1893 г. кн. 3). издано потомъ отдѣльною книгою и представлено авторомъ на соисканіе степени магистра.

Послѣ обычной рѣчи, въ которой диспутантъ сдѣлалъ нѣсколько сообщеній и разъясненій относительно задачи, характера и источниковъ своего изслѣдованія, оффиціальными оппонентами ему выступили: орд. профессоръ Е. Е. Голубинскій и экстр. проф. Н. О. Каптеревъ.

Проф. Голубинскій прежде всего указалъ диспутанту, что жалобу, высказанную имъ на первыхъ строкахъ предисловія, будто-бы „исторія канонизаціи Русскихъ святыхъ совсѣмъ еще не разработана въ нашей церковно-исторической наукѣ“, нужно признать преувеличенною. Напротивъ, очень многое въ этой области совершенно разработано, т. е. собрано, обслѣдовано и сгруппировано напр. въ трудахъ преосв. Макарія или проф. В. О. Ключевского. Въ томъ же предисловіи авторъ говоритъ далѣе, что въ послѣднее время появилось нѣсколько сочиненій по агіологіи, каковы напр.: Полный мѣсяцесловъ Востока преосв. Сергія, Житія святыхъ, какъ историческій источникъ, В. О. Ключевского, Источники русской агіографіи Барсукова и др.“. Проф. Голубинскій находилъ, что нельзя сказать, будто-бы труды эти появились въ послѣднее время, такъ какъ ихъ появленіе относится къ 1871 и 1875 гг. и, кромѣ того, перечень этотъ весьма не полонъ. Авторъ не упоминаетъ здѣсь о другихъ изслѣдованіяхъ, какъ будто они не важны, а между тѣмъ есть въ ихъ числѣ нѣсколько, имѣющихъ весьма существенное значеніе и притомъ такихъ, ко-

торыми онъ или совѣтъ не пользовался, или пользовался въ недостаточной для пользы дѣла мѣрѣ, таковы напр.: историческій словарь 1836 г., исторія російской іерархіи и труды преосв. Филарета, А. Н. Муравьева и графа М. В. Толстаго. Въ томъ-же предисловіи наконецъ авторъ говоритъ, что „ему пришлось не мало пользоваться и рукописями библиотекъ“... Въ виду того, что такихъ рукописей авторъ видѣлъ не болѣе 15-ти, а по свойству предмета изслѣдованія это количество совершенно незначительно, оппонентъ находилъ, что указывать на это обстоятельство въ предисловіи съ нѣкоторымъ особеннымъ удареніемъ не было достаточныхъ основаній.—Переходя затѣмъ къ самому изслѣдованію о. Васильева, проф. Голубинскій, сдѣлалъ ему рядъ слѣдующихъ частныхъ замѣчаній: 1) на стр. 7—8 своей книги авторъ говоритъ: „само собою разумѣется, нельзя думать, чтобы канонизація святыхъ съ перваго-же раза явилась съ готовыми формами, приѣмами и правилами своего совершенія... Тѣ формы и приѣмы, въ какихъ первоначально выражалась канонизація святыхъ, потомъ сообразно съ обстоятельствами и условіями,.. постепенно развивались и видоизмѣнялись. Трудно, конечно, перечислить здѣсь.. всѣ эти формы и приѣмы...“ и т. д. Эти слова, по мнѣнію оппонента, даютъ право думать, что такихъ формъ и приѣмовъ было весьма большое количество и что многія изъ нихъ затѣмъ вышли изъ употребленія; на самомъ же дѣлѣ формы эти и теперь остаются тѣ-же самыя, какія были прежде, и отличіе прежняго порядка отъ нынѣшняго сводится только къ мелочамъ. 2) Авторъ говоритъ (стр. 118), что „поводомъ къ канонизаціи большею частію служили чудеса, совершавшіяся отъ раки святаго, и рѣже открытіе мощей“. Оппонентъ находилъ, что послѣдняго доказать нельзя и что всѣ, указываемые авторомъ, примѣры подтверждаютъ лишь ту мысль, что поводомъ къ канонизаціи служили именно чудеса. 3) Авторъ утверждаетъ (стр. 132), что чтеніе записи чудесъ при канонизаціи св. Петра, митрополита Московскаго, производилось въ церкви предъ народомъ именно съ цѣлію провѣрки ихъ. Оппонентъ не находилъ возможнымъ согласиться съ этимъ. Онъ указывалъ при этомъ на ту очевидную несообразность, что чудеса совершались при гробѣ святителя въ Москвѣ, а чтеніе за-

писи ихъ, якобы для провѣрки, происходило во Владимірѣ. По мнѣнію оппонента, чтеніе записи совершалось въ данномъ случаѣ не для провѣрки, а просто съ цѣлю оглашенія чудесъ въ народѣ. 4) Авторъ утверждаетъ, что „канонизація мѣстныхъ святыхъ совершалась мѣстными епископами безъ сношенія съ митрополитомъ“ (стр. 142). Оппонентъ находилъ это утвержденіе неправильнымъ, такъ какъ оно не доказано и противорѣчитъ общецерковному правилу, по которому епископамъ запрещалось дѣлать что-либо особенно важное безъ вѣдома митрополита. (Ант. 9).—Послѣ еще нѣсколькихъ замѣчаній, проф. Голубинскій заключилъ свою бесѣду указаніемъ на то, что авторъ не воспользовался для своего изслѣдованія тѣми данными, какія можно заимствовать изъ мѣсяцеслововъ богослужебныхъ книгъ: типикона и слѣдованной псалтири. Онъ перечислил цѣлый рядъ именъ такихъ святыхъ, о которыхъ совсѣмъ не упомянуто въ книгѣ о. Васильева и которыхъ авторъ не опустилъ-бы, если бы пользовался мѣсяцесловами богослужебныхъ книгъ.

Второй оффиціальныи оппонентъ, проф. Каптеревъ началъ съ указанія на то, что о. Васильевъ, по его мнѣнію, преувеличиваетъ значеніе Макаріевскихъ соборовъ 1547 и 1549 гг. въ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ. По словамъ автора, до Макаріевскихъ соборовъ правила и основанія канонизаціи были невыработанны, неясны и неопредѣленны (стр. 155), а на этихъ соборахъ „мы замѣчаемъ шагъ впередъ. Ими формулируются и вводятся въ практику церкви опредѣленные правила канонизаціи.., представляются новыя основанія и условія.., начинается новый періодъ въ ея исторіи“... Такую постановку дѣла оппонентъ находилъ слишкомъ рѣзкою. Невѣроятно, говорилъ онъ, чтобы православная церковь существовала столько вѣковъ, имѣла уже столько прославленныхъ святыхъ и чтобы не было у нея выработанныхъ и опредѣленныхъ правилъ канонизаціи. Невозможно, далѣе, думать, чтобы м. Макарій и его сотрудники могли создавать новыя правила, чтобы они считали возможнымъ настолько критическое отношеніе къ прошлому, чтобы доселѣ дѣйствовавшіе порядки въ дѣлѣ канонизаціи признать непригодными и взяться за созиданіе новыхъ. Такое представленіе противорѣчило-бы всему, что

мы знаемъ о той эпохѣ. Наконецъ, если-бы соборы дѣйствительно совершали то, что имъ приписываетъ авторъ, сохранились-бы и какія-либо указанія на это въ ихъ дѣянiяхъ.

Разсуждая о соборахъ 47 и 49 гг., авторъ указываетъ ихъ главную причину въ подъемѣ русскаго политическаго и церковнаго самосознанiя того времени. (Стр. 161—163). Русскiе стали смотрѣть на свою церковь, какъ на центръ православiя, какъ на главную, послѣ паденiя Константинополя, представительницу и защитницу всего православнаго мiра. Естественнымъ въ этомъ случаѣ было стремленiе показать мiру, что и по своимъ благодатнымъ сокровищамъ церковь русская стоитъ на высотѣ, вполне соотвѣтствующей ея великому мiровому призванiю. Отсюда забота о томъ, чтобы открыть изъ-подъ спуда и выставить на видъ прославленную отечественную святыню, собрать свѣдѣнiя о святыхъ русскихъ угодникахъ Божiихъ и утвердить ихъ прославленiе, что и дѣлають соборы 47 и 49 гг. Не отрицая существованiя этой причины, проф. Каптеревъ паходилъ ее слишкомъ общео и высказалъ желанiе, чтобы о. Васильевъ обратилъ вниманiе на современное соборамъ положенiе церковныхъ дѣлъ и тамъ искалъ бы болѣе близкихъ и осязательныхъ причинъ для объясненiя разсматриваемыхъ соборовъ. Въ концѣ XV и въ XVI в. въ русской церкви были нѣкоторые непорядки и злоупотребленiя, имѣвшiя непосредственное отношенiе къ вопросу о житiяхъ святыхъ и ихъ прославленiи. Съ одной стороны были въ то время люди (какъ напр. Вассiанъ), критически относившiеся къ существовавшимъ тогда въ употребленiи житiямъ особенно Московскихъ святыхъ и позволявшiе себѣ при ихъ перепискѣ многое сокращать и выбрасывать, какъ недостовѣрное. Съ другой стороны были напротивъ и такiе, которые, особенно стараясь возвысить и прославить русскую святыню и благочестiе, усердствовали въ этомъ отношенiи безъ должной умѣренности, что влекло за собою иногда прославленiе и такихъ лицъ, которыя не всегда того заслуживали. То и другое было, конечно, злоупотребленiемъ и должно было вызвать надлежащiя мѣропрiятiя со стороны церковной власти.

Оппонентъ просилъ далѣе о. Васильева объяснить нѣкоторое противорѣчiе, обнаруживающееся повидимому въ его

отношеніи къ мѣсяцесловамъ, какъ къ источникамъ для исторіи канонизаціи. Въ первой части своего изслѣдованія, когда рѣчь идетъ о канонизаціи древнихъ русскихъ святыхъ, авторъ утверждаетъ часто на мѣсяцесловахъ, какъ на источникахъ; а позднѣе (на стр. напр. 123, 199 и др.) рѣшительно заявляетъ, что „наши святцы не стояли подъ контролемъ высшей церковной власти, и внесеніе въ нихъ именъ святыхъ зависѣло отъ произвола переписчиковъ“ и что „святцы не были одною изъ тѣхъ формъ, въ которыхъ выражалась канонизація святыхъ“...

Наконецъ, однимъ изъ послѣднихъ замѣчаній проф. Каптерева было указаніе на то, что о. Васильевъ, по его мнѣнію, нѣсколько уменьшаетъ вліяніе свѣтской власти въ дѣлѣ канонизаціи. По изображенію автора, прославленіе того или другаго святаго въ русской церкви зависѣло отъ власти духовной, а свѣтская при этомъ стояла въ сторонѣ и относилась къ дѣлу только формально. Проф. Каптеревъ находилъ, что такое представленіе не соответствуетъ характеру нашихъ русскихъ великихъ князей и царей, которые всегда отличались своимъ благочестіемъ и принимали самое живое участіе въ дѣлахъ церковныхъ. Изъ многихъ страницъ книги самого о. Васильева ясно можно видѣть, что русская свѣтская власть была очень дѣятельною и вліятельною въ вопросахъ о канонизаціи, такъ напр. это съ очевидностію выступаетъ въ разказахъ о канонизаціи преп. Θεодосія Печерскаго, св. Петра митрополита, преп. Стефана Махрищскаго, преп. Антонія Сійскаго, преп. Евфросиніи Суздальской, преп. Антонія Римлянина и св. царевича Димитрія. (Стр. 79, 84, 207, 208, 226).

Послѣ официальныхъ оппонентовъ о. Васильеву сдѣлали нѣсколько замѣчаній: доц. Н. А. Заозерскій, о. ректоръ академіи архим. Антоній и экстр. проф. А. Д. Бѣляевъ.— На большую часть вопросовъ и замѣчаній диспутантъ съ знаніемъ и спокойною увѣренностію давалъ посильныя объясненія, обнаруживъ тѣмъ, достаточно серьезное знакомство съ предметомъ своего изслѣдованія. Совѣтъ академіи призналъ защиту удовлетворительной и постановилъ ходатайствовать установленнымъ порядкомъ объ утвержденіи о. Васильева въ степени магистра Богословія.

В. Соколовъ.